

В. Стружков
1914

Рознь или братство?

Какъ странно поднимать этотъ вопросъ? Рознь или братство между различными частями, различными родами войскъ одного и того же организма арміи? Пушка и ружье, вѣдь это двѣ руки одного и того же субъекта, только отъ рожденія одна рука короче, т.-е. ружье стрѣляетъ мѣтко, но недалеко и мало разрушаетъ, пушка—рука длинная—стрѣляетъ мѣтко, далеко и разрушительно. Сложите эти данныя вмѣстѣ и получите гармоничное цѣлое; одинъ поглотитъ и нивелируетъ слабыя стороны другого, выдвигая впередъ сильныя. Артиллеристъ и пѣхотинецъ. Артиллеристъ—человѣкъ при машинѣ, пѣхотинецъ—человѣкъ съ машинкой; одинъ расчищаетъ огнемъ дорогу къ врагу, другой, благодаря этому, быстрѣе достигаетъ того же врага. Одинъ стрѣляетъ, но себя защитить не можетъ, другой защищаетъ не только себя, но и обязанъ защищать друга-пушку. Одинъ, т.-е. пѣхотинецъ, пролѣзаетъ во всякую щель, другого—пушку—сплошь и рядомъ надо тащить. Попробуйте обособить эти два рода войскъ, попробуйте поставить между ними перегородку, порвите между ними моральную связь, заставьте ихъ говорить на разныхъ языкахъ и въ

результатъ лишняя пролитая кровь на бранныхъ поляхъ — на лицо.

Кавалеристъ и пѣхотинецъ. Первый пользуется четырьмя ногами, второй—двумя. Отсюда теоретически скорость перваго велика, скорость втораго мала. Одинъ налетитъ, но не удержитъ, другой подбѣжитъ и закрѣпитъ. Снова гармонія, снова взаимодействіе, снова одинъ безъ другаго—половина успѣха.

Все это азбука; не стоило бы и заниматься повтореніемъ начальныхъ буквъ военнаго дѣла, если бы въ дѣйствительности единеніе ружья, пушки и коня было такой силы, про которую въ былинѣ говорится: за голову взялъ—голова прочь; за руку взялъ—рука прочь; если бы въ дѣйствительности это единеніе вошло въ плоть и кровь каждаго изъ членовъ великой братской семьи независимо отъ мундира, который падѣтъ на немъ.

Увы, жизнь арміи говоритъ иное, и сколько разъ приходилось слышать, читать, безконечно спорить, доказывая, что воинству русскому нужно братство, а признаки розни налицо.

Въ военное время, когда налицо «поправка смерти», армія какъ бы просыпается отъ тяжелаго кошмарнаго сна и съ удивленіемъ различныя части ея спрашиваютъ себя: «и что это мы дѣлили въ мирное время—непонятно». Поздно, слишкомъ поздно стремится артиллеристъ въ объятія пѣхотинца, а кавалеристъ скачетъ, чтобы пожать достойную руку подвижнику своему, маленькому, нагруженному человѣчку-пѣхотинцу. То, что не спаяно въ періодъ покоя, то не упадетъ сразу съ неба въ минуту военныхъ бурь. И сколько напраснаго пота, сколько напрасныхъ жертвъ приходится оставлять на бранныхъ поляхъ только потому, что дома полнаго единенія, полной гармоніи, полнаго братства не было.

Какъ часто приходится слышать въ бою возгласъ пѣхоты: А гдѣ же пушка? или: А! наша заговорила.... Сколько боевого смысла въ этихъ словахъ, сколько надеждъ и упованій и непоколебимой увѣренности, что только сообща, дружно, вмѣстѣ, понимая другъ друга, можно дѣло сдѣлать!

Вскорѣ послѣ войны одинъ изъ молодыхъ талантливыхъ художниковъ помѣстилъ серію рисунковъ подъ общимъ названіемъ: «Единая армія». Картина первая: идетъ рота, усталыя потныя лица, многіе съ трудомъ тащатся, чувствуется истома, жажда, зной. Лица сумрачны, недовольны, на что-то злы. Вдали дымки, кусочки ваты на небѣ—это рвется неприятельская шрапнель; кое-кто падаетъ, то

тамъ, то сямъ, тащить или везуть доблестныхъ бойцовъ—это жертвы долга. Подъ картиной подпись: «Все при, да при, а гдѣ же артилерія?»

Картина вторая: батарея на позиціи, орудія выглядываютъ щеголевато, суеты не замѣчается, все спокойно, офицерство въ уголку за кустомъ закусьиваетъ... внизу подпись: «Наше дѣло простое, остановился въ 4-хъ верстахъ и утверждай, что ближе выѣхать невозможно».

Картина третья: скачетъ эскадронъ, вылощенъ, чистенькій, молодцеватый, офицерство франты, у эскадроннаго въ зубахъ сигара, въ рукахъ стекъ. Безподобно веселы и довольны.... Внизу надпись: «Кавалерія родъ оружія благородный, его надо беречь».

Картина четвертая: рота саперъ что-то копаешь, усиленно трудится, безъ оружія, душа на распашку, офицерство на травкѣ въ кучкѣ, мирно ведетъ бесѣду. Все кругомъ тихо, покойно.... Внизу подпись: «Наше дѣло копаться; на то пѣхота, чтобы сражаться».

Картина пятая: стоитъ начальникъ отряда, растерянная физиономія, руки безпомощно разведены. На лицѣ недоумѣніе.... Внизу подпись: «Каждый молодець на свой образецъ, вотъ и воюй».

Краски сгущены, пахнетъ шаржемъ, но, согласитесь, значительная доля правды есть.

Отрядъ изъ трехъ родовъ войскъ надеженъ въ бою только тогда, когда онъ состоитъ изъ людей, проникнутыхъ нравственной связью, когда онъ образуетъ товарищество. Лишь при такой связи явится въ немъ круговая порука, увѣренность во взаимной поддержкѣ, и часть будетъ представлять слитную, цѣлую единицу. На войнѣ осуществленіе этого—громадная данная успѣха. Офицерство съ одного конца Россіи и до другого должны быть братскимъ, рыцарскимъ сословіемъ. Офицеръ долженъ быть офицеромъ; если же приходится при этомъ спрашивать какой (т.-е. артилеристъ, пѣхотинець или кавалеристъ), то онъ самъ не знаетъ, какими глазами на себя смотрѣть. Осуществленъ ли этотъ принципъ въ арміи? Къ сожалѣнію, нѣтъ. И въ повседневномъ обиходѣ службы и быта войскъ чаще приходится наблюдать рознь, чѣмъ признаки братства. Гдѣ-же источники этой розни, гдѣ корни ея?

Мнѣ думается, что сѣмена розни находятся въ различныхъ источникахъ комплектованія офицерами нашей арміи, причемъ образовательный цензъ этихъ источниковъ еще такъ недавно былъ крайне разнообразенъ. Всего нѣсколько лѣтъ назадъ наша армія

получала своихъ офицеровъ изъ двухъ резервуаровъ, а именно: 1) изъ юнкерскихъ училищъ и 2) изъ военныхъ училищъ. Изъ юнкерскихъ училищъ выходило большинство, потому что этихъ учебныхъ заведеній было много, изъ военныхъ—меньшинство. Первые комплектовали пѣхоту и конницу, вторыя—пѣхоту, артилерію, саперъ и кавалерію. Юнкерскія училища прежняго типа по программамъ стояли значительно ниже военныхъ. Кромѣ того, въ юнкерскія училища, главнымъ образомъ, пріемъ былъ, такъ называемый, со стороны, т.-е. ихъ комплектовали юношами различныхъ гражданскихъ учебныхъ заведеній, неокончившими курса и прослужившими въ войскахъ положенное время вольноопредѣляющимися. Въ кадетскихъ корпусахъ эта молодежь не была, т.-е. основы военного воспитанія съ малыхъ лѣтъ не получала, а таковое на-сѣхъ давалось въ теченіе 2-лѣтняго курса юнкерскаго училища.

По образованію юнкерскія училища пополнялись двумя сортами молодыхъ людей: вольноопредѣляющимися 1-го и 2-го разряда. Первый сортъ—какъ будто бы указываетъ, что это что-то отборное. Увы, нѣтъ. Это былъ самый слабый элементъ юнкерскихъ училищъ. Это тѣ самые Вани, Коли, которые не желали учиться въ гражданскихъ учебныхъ заведеніяхъ, и родители рѣшили отдать ихъ «въ юнкера».

Вольноопредѣляющіеся 2-го разряда, второго сорта, поступавшіе въ юнкерскія училища, представляли особую группу. Въ подавляющемъ большинствѣ это не были «неудачники», выгнанные изъ различныхъ заведеній. Это были субъекты черстватаго чернаго хлѣба люди, незнавшіе, что такое лишній грошъ, въ большинствѣ, дома неимѣвшіе понятія о правильной, спокойной жизни съ комфортомъ и излишествами. Эти молодые люди выдержали экзаменъ на 2-й разрядъ или окончили городскія училища.

Городскія училища—это тѣ учебныя заведенія въ Россіи, которыя въ педагогическомъ отношеніи достигли такого расцвѣта, который въ тѣ времена и не снился нашимъ среднимъ учебнымъ заведеніямъ. Курсъ невеликъ, но онъ такъ систематиченъ, такъ логически построенъ и такъ основательно, что представлялъ изъ себя прочный фундаментъ, на которомъ можно строить какое угодно зданіе. Юнкерскія училища и строили таковой. Вся эта молодежь лбомъ, силой пробивала брешь. Знаніями, трудомъ, терпѣніемъ, преодолевая часто нищету, заняли они побѣдоносно казенный уголокъ на школьной скамьѣ юнкерскаго училища. Они знали

цѣну жизни, передъ ними не было скрыть міръ и въ немъ почерпнули они великую, но старую истину: «Въ трудѣ познаешь ты счастье свое».

Все это положительныя стороны, но были и отрицательныя. Масса этой молодежи, заполнявшей ряды пѣхоты въ арміи получила малую дозу общаго развитія и минимальную—военнаго. Багажъ былъ невеликъ, онъ годился для чернаго, повседнежнаго труда, но не могъ поспѣть за головокружительнымъ прогрессивнымъ движеніемъ, по которому шла русская армія, и въ итогѣ этотъ сортъ офицерскаго кадра отсталъ. Кромѣ того, въ массѣ эта офицерская среда не могла претендовать на рыцарское сословіе, однородное по происхожденію, а скорѣе больше подходила къ демократическому типу. Армія получала свыше 60% офицеровъ, кончившихъ юнкерскія училища; не мало было войсковыхъ пѣхотныхъ частей, въ которыхъ весь офицерскій составъ былъ сплошь изъ этой категоріи училищъ. Такъ комплектовалось ядро арміи, главный родъ войскъ—пѣхота.

Другой резервъ пополненія былъ въ видѣ военныхъ училищъ. Это совершенно иная категорія: съ 10-ти лѣтъ мальчугана облачали въ форму и сажали на школьную скамью кадетскаго корпуса, и онъ твердо зналъ, что черезъ девять лѣтъ надѣнетъ офицерскія эполеты. Семь лѣтъ онъ былъ въ корпусѣ на попеченіи казны, не зная, что значить истратить собственный грошъ; юношей онъ переходилъ на слѣдующую скамью, въ военное училище. По происхожденію все это въ массѣ были дѣти военныхъ, т.-е. будущіе офицеры, и уже являлись какъ бы однородной семьей. Военное воспитаніе начиналось съ юныхъ лѣтъ и, постепенно развиваясь, шло на протяженіи девяти лѣтъ. Худо ли, хорошо ли, будущаго воина специализировали, его тренировали въ извѣстномъ направленіи, ему дѣлали извѣстныя прививки, именуемыя кадетскими традиціями. Уходъ за его тѣломъ, надзоръ за душой были изумительны по той массѣ труда и энергій педагогическаго персонала, который затрачивался на будущаго фендриха.

Военныя училища принимали въ свои стѣны окончившихъ среднія учебныя заведенія, т.-е. кадетскіе корпуса. Наліцо была однородная подготовка, какъ бы общая трафаретная нивелировка знаній. На этомъ фундаментѣ военныя училища шли дальше, заполняя умственный багажъ учащагося спеціальными и другими нужными ему знаніями. Черезъ два или три года юноша былъ готовъ,

вспоенъ, накормленъ и съ наполненнымъ мозгомъ входилъ въ ряды арміи. Военныя училища поставили офицеровъ въ пѣхоту (по сравненію съ юнкерскими училищами очень немного) и заполняли сплошь артилерію, саперъ и бѣольшую часть кавалеріи.

Такимъ образомъ изъ двухъ резервуаровъ комплектованія въ ряды арміи вступали офицеры двухъ типовъ, чрезвычайно рѣзко отличныхъ другъ отъ другаго и по образованію и по воспитанію и даже по происхожденію. Естественно, что они заговорили на разныхъ языкахъ. Естественно, что въ арміи появились офицеры различной степени превосходства.

Кончившій военное училище считалъ себя выше, а при свойственномъ молодежи самолюбіи на своего собрата юнкерскаго училища смотрѣлъ съ извѣстной долей пренебреженія, свысока.

Долгіе годы мира (съ Турецкой кампаніи и до Японской 28 лѣтъ) являлись неблагопріятной данной для единенія и братства: отсутствіе войнъ—«поправки смерти», которыя разомъ рушатъ эти перегородки и средостѣнія, весьма мало содѣйствовало сліянію офицера въ единый типъ, служащій одному дѣлу и исповѣдующій единый военный катехизисъ.

Кромѣ того и между офицерами второго резервуара, т.-е. военныхъ училищъ, появились признаки розни, которые культивировались, увеличивались. Офицеръ-артилеристъ, получившій почетное назначеніе состоять при пушкѣ—этомъ тонкомъ инструментѣ, получившій специальное образованіе, получившій право нести службу на конѣ, смотрѣлъ на своего брата-пѣхотинца, какъ на обездоленнаго судьбой, котораго обидѣли, заставивъ всю жизнь «пылить»,

Офицеръ-кавалеристъ, воспріявшій славныя традиціи былыхъ гусаръ и уланъ, носившій красивую, изящную форму, такъ отвѣчавшую его молодому, бурному самолюбію, смотрѣлъ на своего брата-пѣхотинца съ отбѣнкомъ гордаго сознанія, хотя и мнимого, но все же превосходства.

Саперъ, какъ и артилеристъ, гордился передъ пѣхотой своимъ бархатнымъ воротникомъ. Появилась странная картина: члены одного и того же организма бунтовали, каждый считалъ себя обособленнымъ, самимъ по себѣ.

Насколько тяжело отразилось на арміи комплектованіе громаднаго большинства офицеровъ лицами, вышедшими изъ юнкерскихъ училищъ, видно изъ слѣдующихъ грустныхъ статистическихъ данныхъ.

Къ 1-му іюня 1908 года въ русской арміи состояло капитановъ 6.405; изъ нихъ:

Съ образованіемъ ниже средняго	4.897.	. . . . .	76,5%
„ „ среднимъ	. . . . .	. . . . .	23,5%

Въ конницѣ къ тому же періоду всего ротмистровъ было 463 изъ нихъ:

Съ образованіемъ ниже средняго	303.	. . . . .	65,5%
„ „ среднимъ	. . . . .	. . . . .	34,5%

Въ періодъ съ 1900 по 1905 годъ изъ капитановъ въ подполковники было произведено 932; изъ нихъ:

Съ высшимъ образованіемъ	22.	. . . . .	2,4%
„ среднимъ „	102.	. . . . .	10,9%
„ образованіемъ ниже средняго	808.	. . . . .	86,7%

Въ армейской кавалеріи за тотъ же періодъ было произведено въ подполковники 121; изъ нихъ:

Съ среднимъ образованіемъ	36.	. . . . .	29,8%
„ высшимъ „	85.	. . . . .	70,2%

Измѣнились ли эти условія комплектованія нынѣ? Да, и къ лучшему. Юнкерскія училища прежняго типа канули въ вѣчность и превратились въ военные. Другими словами въ арміи появился типъ одинаго по образованію офицера. Разумѣется эта реорганизація поможетъ нивелировать, а затѣмъ совсѣмъ изгнать рознь между офицерами различныхъ категорій, но когда? Да можетъ быть лѣтъ черезъ двадцать, т.-е. когда старики юнкерскаго училища уйдутъ и уступятъ мѣсто молодежи, офицерамъ одинаго типа.

Такимъ образомъ условія комплектованія изъ резервуаровъ различныхъ категорій способствовали «разномастности» офицеровъ, что и повело къ извѣстной розни между ними.

Вторая причина этой розни кроется въ организаціонныхъ данныхъ.

До послѣднихъ дней каждый родъ войскъ въ мирное время работалъ совершенно обособленно; онъ былъ какъ бы замкнутъ обширной и высокой стѣной. Отсюда сознание общаго военнаго дѣла, разработка идей, проведеніе ихъ въ жизнь между всѣми членами арміи встрѣчали неодолимая досадныя препятствія.

Различные роды войскъ были соединены механически, но не органически, что служить и всегда будетъ служить первоисточникомъ слабой, импровизованной боевой подготовки.

Выражаясь воено-технически, связь между войсками различныхъ категорій слаба, ее тщетно стараются поддерживать. Но дѣло въ томъ, что на бранныхъ поляхъ ее приходилось часто не возстановлять, а создавать, такъ какъ организація арміи мирнаго времени исключала возможность заблаговременной подготовки въ этомъ направленіи. Эта «пресловутая связь» не виситъ готовой, а является результатомъ совмѣстной долгой упорной работы въ періодъ мира.

Современный бой требуетъ такого гармоничнаго, планомѣрнаго дѣйствія различныхъ родовъ войскъ, котораго можно достигнуть лишь при условіи, что всѣ члены организма арміи будутъ спаяны прочно въ мирное время, совмѣстно работая, дополняя другъ друга понимая взаимныя сильныя и слабыя стороны.

Набросаемъ въ общихъ чертахъ современныя условія, среди которыхъ живутъ и работаютъ различные категоріи войскъ.

Артилерія, могучій огонь которой по справедливости предоставилъ ей нынѣ титулъ «царицы полей сраженій», до послѣднихъ дней шла совершенно обособленно отъ остальныхъ родовъ войскъ. Въ мирное время она имѣла мало общаго съ пѣхотой и входила только въ составъ армейскаго корпуса, не спускаясь ниже. Быть и служба ея были до послѣдняго времени такъ обставлены, что при всемъ добромъ желаніи артиллеристы не имѣли средствъ и способовъ ознакомиться съ особенностями своего неизмѣннаго боевого товарища-пѣхотинца.

Всю зиму спеціализируясь, артилерія лѣтомъ отправляется на свой полигонъ, отбываетъ курсъ стрѣльбы, начиная, а главное заканчивая его безъ всякаго участія пѣхотной винтовки. Затѣмъ на послѣднія двѣ-три недѣли цушки прибываютъ въ общіе лагерные сборы, дабы принять участіе въ различнаго рода занятіяхъ вмѣстѣ съ пѣхотой, главнымъ образомъ, тактическаго характера.

Такимъ образомъ артиллеристъ сразу принимаетъ участіе въ томъ отдѣлѣ боевой подготовки, которая составляетъ вѣнецъ обученія арміи. Все, конечно, для него ново. На общихъ лагерныхъ сборахъ тактическія ученія идутъ на первыхъ порахъ малыми частями. Артилерія придается къ пѣхотѣ небольшими пакетами. Тутъ то, въ роли тактиковъ выступаютъ по преимуществу молодые

офицеры. Отъ нихъ требуютъ тактическихъ знаній, основанныхъ, разумѣется, на взаимномъ пониманіи свойствъ всѣхъ родовъ войскъ. Но откуда имъ взять это «разумѣніе», когда спеціализація службы исключаетъ возможность ихъ приобрѣсти постепенно, послѣдовательно, заблаговременно?

Старшимъ артилерійскимъ начальникамъ приходится выступать въ роляхъ начальниковъ отрядовъ, и тутъ скрытое «средостѣние» пушки и ружья выступаетъ весьма ярко. Практическихъ знаній мало, а теорію, особенно въ полѣ, въ карманъ прячутъ.

Дальше наступаютъ большіе маневры на-короткѣ, на-спѣхъ въ нѣсколько дней тренируютъ командный элементъ. Изъ года въ годъ повторяется тотъ же «пейзажъ» и нѣтъ того маневренного поля, на которомъ въ видѣ назиданія не остались бы все одни и тѣ же дефекты.

Почему, проходя спеціальнѣй артилерійскій курсъ на полигонѣ, нельзя удѣлить время совмѣстнымъ стрѣльбамъ съ пѣхотой? Вѣдь артилеристы исполняютъ рядъ боевыхъ задачъ, которыя только тогда и ярки по результатамъ, когда фигурируетъ по сосѣдству пѣхотная винтовка. Тутъ то скорострѣлка миниатюрная и скорострѣлка внушительная по размѣрамъ и пораженію и пойдутъ рука объ руку, выяснятся ихъ взаимоотношенія. Въ особенности это относится къ стрѣльбамъ дивизионами. Хорошо сюда приспособить и пулеметы. Тогда самый серьезный актъ—огневой періодъ боя будетъ представленъ полностью.

Да, но вѣдь у насъ боевыя стрѣльбы различныхъ родовъ войскъ существуютъ и узаконены Наставленіемъ для стрѣльбы? Совершенно вѣрно, но знаете ли въ какомъ числѣ участвуютъ въ нихъ артилеристы? Одна батарея въ годъ, т.-е. $\frac{1}{6}$. Маловато, такъ какъ бригада такимъ образомъ обучается въ 6 лѣтъ, что уже многовато.

Такъ служили два рода войскъ долгіе годы. Слава Богу, это явленіе какъ будто кончилось. Дивизія пѣхоты составляетъ ту силу, которая можетъ рѣшать вполне самостоятельно весьма серьезныя боевыя задачи. Пѣхота нуждается въ усиленіи огня—надо дать ей огня, т.-е. влить въ нее, какъ постоянную величину, извѣстную часть артилеріи.

И въ настоящее время къ большой радости людей, смотрящихъ въ корень боевой подготовки, артилерія подчинена начальникамъ пѣхотныхъ дивизій, т.-е. сдѣлали то, что въ силу боевой обста-

новки исполнялось всегда и вездѣ само собой, но до послѣднихъ дней этотъ аллиансъ имѣлъ характеръ импровизаціи, а теперь онъ сталъ организаціей. Пѣхота и артилерія, наконецъ то, въ періодъ мира удостоились протянуть другъ другу руки.

Скажите же: помогали ли прежняя жизнь и служба артилеріи и пѣхоты превращенію офицерскаго состава въ единое братство или, наоборотъ, мѣшали этому? Полагаю, что мѣшали и сѣяли, быть можетъ неумышленно, инстинктивно, рознь. Дѣло нынѣ идетъ на поправку. Но когда въ карманѣ будутъ осязательные результаты?

Да, лѣтъ черезъ 20, когда оба рода войскъ сольются, познаютъ другъ друга, когда старики уйдутъ на покой, а молодежь станетъ на ихъ мѣсто; такъ какъ нѣтъ ничего труднѣе, какъ измѣнить мышленіе послужившаго 25—35 лѣтъ. Какъ вы его ни убѣждайте, но воспитанный на старыхъ, какъ ему кажется, испытанныхъ традиціяхъ онъ упорно будетъ твердить: а все же прежде было лучше. Такъ уже устроена человѣческая голова.

Думаю, что дѣло сближенія, а слѣдовательно нивелировка розни двинется въ тотъ день, когда мы прочтемъ, что въ русской арміи появился новый терминъ: артилерійскіе полки.

Съ саперами дѣло обстояло еще хуже. До послѣдняго времени они были подчинены военнымъ округамъ и только въ послѣдніе годы ихъ передали въ корпусъ. Тутъ уже о братствѣ трудно было и помышлять, такъ какъ выходило, что этотъ родъ войскъ представлялъ изъ себя какое-то особое министерство.

Остается сказать нѣсколько словъ о конницѣ. Кавалерія, какъ артилерясты и саперы, въ мирное время живетъ и работаетъ совершенно обособленно отъ другихъ родовъ войскъ. А между тѣмъ у насъ фигурируетъ интересный военный терминъ—«дивизионная конница», т.-е. извѣстное количество кавалеріи, которая входитъ въ составъ пѣхотной дивизіи. Казалось бы весьма желательнымъ еще въ мирное время влить эту конницу, какъ постоянную величину, въ составъ пѣхотной дивизіи. Выгоды большія—взаимное ознакомленіе и заблаговременная, тѣсная связь, а въ итогѣ офицерское братство.

На изложенныхъ началахъ организованы арміи буквально всѣхъ государствъ; они законны, такъ какъ даютъ возможность добиться единства дѣйствій, взаимной выручки, планомерности, стройности, гармоничности боевыхъ операцій, а главное—моральный элементъ получаетъ чудное приращеніе въ видѣ единого офицерскаго братства.

Итакъ, условія комплектованія арміи офицерами—съ одной стороны, организаціонныя данныя—съ другой до послѣдняго времени мѣшали сліянію офицерства во-едино, и пройдетъ много лѣтъ, прежде чѣмъ въ мозгъ и душу арміи проникнетъ непоколебимое убѣжденіе, что нѣтъ родовъ войскъ, подраздѣленныхъ на номера, и быть ихъ не можетъ.

Нужна ли вообще спеціализація знаній въ различныхъ военно-учебныхъ заведеніяхъ и, если нужна, то въ какой мѣрѣ? У насъ, какъ извѣстно, на лицо: пѣхотныя, кавалерійскія, артилерійскія и инженерное училища. Другими словами, каждый родъ войскъ имѣетъ какъ бы свой особый департаментъ комплектованія. При такой системѣ спеціализація знаній на лицо, но есть ли данныя для проведенія въ жизнь еще на школьной скамьѣ единства взглядовъ на военное дѣло? Едва ли. На школьной скамьѣ будущій офицеръ уже посвятъ въ сердце своемъ сѣмена непріязни ко всѣмъ родамъ войскъ, кромѣ того, которому самъ служить. Здѣсь же происходитъ кладка того фундамента, на которомъ строится зданіе взаимнаго непониманія арміи, какъ единого организма. Если пушка, ружье, конь съ всадникомъ части одного цѣлага, то офицеръ-специалистъ, лишенный познанія другихъ родовъ войскъ, едва ли полезенъ. Короче, не пора ли намъ подумать о такъ называемой «единой военной школѣ», приготавливающей офицерство во всѣ роды войскъ, а не въ какой-либо одинъ изъ нихъ. Тогда училище будетъ многобокое, а не однобокое, какъ теперь. Единая военная школа дастъ будущимъ офицерамъ сперва общее военное образованіе, а затѣмъ въ учебныхъ заведеніяхъ должны быть выпускные спеціальныя классы: пѣхотные, кавалерійскіе, артилерійскіе и инженерные, гдѣ обучаются юнкера, сообразно избранной спеціальности. Нынѣ изъ военныхъ пѣхотныхъ училищъ все равно вѣдь выходитъ значительное число юнкеровъ въ артилерію, саперы и даже въ казаки, однако, жалобъ на недостатокъ спеціальныхъ знаній что-то не слышно. Нынѣ изъ Пажескаго корпуса вѣдь выходятъ же офицеры во всѣ роды войскъ, но жалобъ, что эти воины неподготовлены къ службѣ въ спеціальныхъ войскахъ, тоже не слыхать. А вѣдь Пажескій корпусъ въ сущности ничто иное, какъ «единая военная школа».

Мало того, единая военная школа у насъ была въ старое доброе время, когда изъ кадетскихъ корпусовъ выпускали офицерами во всѣ роды войскъ.

Взглянемъ на западь. Тамъ единая военная школа процвѣтаетъ

и въ Германіи, и въ Австріи, и арміи своими офицерами довольны, въ особенности германская.

У нѣмцевъ на лицо 8 кадетскихъ школъ съ 4-хъ-лѣтнимъ курсомъ каждая, гдѣ происходитъ подготовка къ поступленію въ кадетскій корпусъ. Ихъ нѣсколько: въ Берлинѣ, Мюнхенѣ, Дрезденѣ и др. пунктахъ. Цѣль такой организаціи—воспитывать отдѣльно дѣтей отъ юношей. т.-е. стремленіе достигать индивидуальнаго развитія насколько можно, а не «стаднаго». Окончивъ кадетскій корпусъ, юноша поступаетъ въ войска портуней-юнкеромъ. Его тренируютъ по строевой наукѣ и, кромѣ того, онъ проходитъ небольшой курсъ военныхъ наукъ. Какъ исключеніе, лучшіе по выпуску изъ Берлинскаго корпуса производятся прямо въ офицеры. Всѣ портуней-юнкера, отслуживъ въ войскахъ годъ и получивъ соотвѣтствующую аттестацію, поступаютъ въ военное училище, причемъ юнкера всѣхъ родовъ войскъ обучаются въ училищѣ вмѣстѣ, т.-е. въ одной военной школѣ.

Нѣчто подобное существуетъ и въ австро-венгерской арміи. Тамъ въ юнкерскихъ училищахъ имѣются отдѣленія для различныхъ родовъ войскъ, и всѣ юноши обучаются въ стѣнахъ одного и того же учебнаго заведенія ¹⁾, т.-е. мы опять встрѣчаемся съ типомъ «единой военной школы». Вопросъ этотъ не новый; онъ уже нѣсколько разъ поднимался въ печати, имѣеть сторонниковъ, имѣеть и противниковъ. Но вопросъ интересный, такъ какъ отъ правильнаго разрѣшенія вопроса о комплектованіи офицеровъ зависитъ «прочность души арміи».

Школа, въ смыслѣ знаній, цынѣ даетъ, что можетъ. Никакое военно-учебное заведеніе не въ состояніи дать того, что требуетъ армія, и никогда не дастъ. На школьной скамьѣ возможно съ успѣхомъ работать надъ правильнымъ направленіемъ мозга, но никоимъ образомъ не надъ наполненіемъ черепной коробки до краевъ. Военное дѣло не цеховое, не ремесленное, потому что офицеръ работаетъ не надъ машинами, а надъ живыми людьми.

Школа даетъ лишь остовъ знаній, она ставитъ вѣхи, въ лучшемъ случаѣ намѣчаетъ триангуляціонную сѣть, предоставивъ за-полнять ее подробностями въ дальнѣйшей военной службѣ. Воен-

---

¹⁾ Кромѣ того на лицо Техническое военное училище, которое въ незначительномъ числѣ комплектуетъ артилерію и инженерныя войска. Въ настоящее время всѣ юнкерскія училища заканчиваютъ реорганизацію: они превращаются въ военные.

ное дѣло, какъ практическое, ходко идетъ впередъ; школа за этими скачками не поспѣваетъ и, при всемъ напряженіи, всегда будетъ позади. Если это вѣрно, то спеціализація знаній въ томъ объемѣ, въ какомъ это преподносится нынѣ, отпадаетъ; наоборотъ, «единая военная школа» получаетъ законность и логически обоснована. Выгода есть въ смыслѣ болѣе быстраго сращенія офицеровъ всѣхъ видовъ и категорій, сращеніе въ видѣ единого могучаго дуба, расшатать который врагу будетъ трудновато. Прибавьте къ этому нѣкоторыя измѣненія организаціонныхъ данныхъ, о которыхъ я говорилъ выше, и дубъ станетъ еще болѣе мощнымъ и бурю и грозу спокойно встрѣтитъ.

Что выгоднѣе: поменьше спеціализаціи въ школахъ и побольше средства или побольше спеціализаціи въ школахъ и поменьше средства—рѣшайте? Но не забывайте о наполеоновской формулѣ, которая безконечное число разъ выглядываетъ подъ разными соусами: $\frac{3}{4}$ моральныхъ, $\frac{1}{4}$ матеріальныхъ данныхъ; итогъ—побѣда. Не забудьте и того, что спеціализацію знаній нагоните потомъ, въ теченіе всей службѣ, средство же растеряете, а когда его потребуются въ болѣе дозѣ, то до врага этого средства не донесете. И въ повседневной службѣ войскъ кое-что можно было бы сдѣлать. Надо поработать надъ тѣмъ, чтобы войсковыя части, стояція въ одномъ и томъ же городѣ, не подраздѣлялись по номерамъ, а шли бы подъ однимъ номеромъ. Гдѣ можно, крайне полезно устройство общихъ гарнизонныхъ собраній; это облегчитъ спайку, взаимное ознакомленіе и уваженіе другъ къ другу. Слова—«этотъ офицеръ не нашъ, это чужой офицеръ» и т. д. настолько нелѣпы по существу, настолько вредны для общаго родного всѣмъ дѣла, что ихъ надо безпощадно гнать и гнать... Помнится покойный генералъ Драгомировъ основательно насаждалъ «средство»; была мѣра и оригинальная. Онъ приказалъ среди палатокъ одного изъ полковъ въ лагерное время внѣдрить палатки и батареи и такимъ образомъ пришилъ ее къ пѣхотинцамъ.

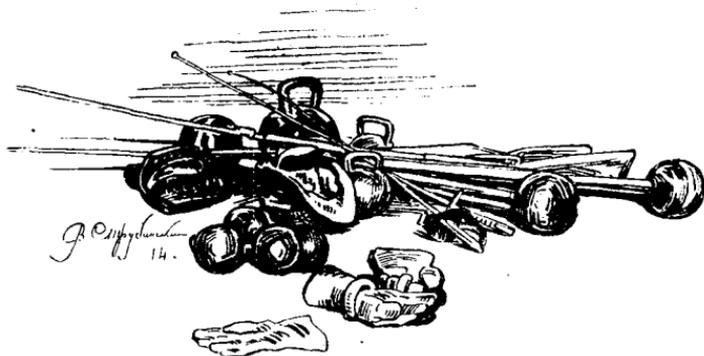
Пусть девизомъ каждаго офицера будетъ: *«Братцы, позвольте до брата добраться»*. Проиграть отъ этого ничего нельзя, а выиграть—безконечно много. Передѣлаемъ извѣстное выраженіе: «идти врозь, а драться вмѣстѣ» для офицерскаго корпуса всей арміи такъ—«идти вмѣстѣ и драться вмѣстѣ». Не забудемъ, что пуля и шпаннель бьетъ, не разбирая номеровъ по превосходству, а кого придется, въ кого угодить.

Будемъ помнить слова нашего Державнаго Вождя, сказанныя молодымъ офицерамъ при ихъ производствѣ въ минувшемъ году ²⁾.

«Будьте настоящими товарищами между собой, въ какомъ бы родѣ войскъ вы ни служили, памятуя, что каждый изъ васъ членъ великой и могучей семьи, называемой русской арміей».

Пусть же эти слова прочно запечатлѣются въ сердцахъ каждаго изъ военачальниковъ, на какой бы ступени военной іерархіи онъ ни стоялъ. Но помнить эти слова мало; надо закрѣпить ихъ въ жизнь и службу.

М. Талкинъ.

²⁾ «Русскій Пивалидъ» 1913 г., № 169.